

Елена Дмитриевна ГЛИБИНА

Автор поэтического сборника «Лиственное перо» (2001)

и публикаций в журналах

«Север», «Аврора», «Русская провинция»

и «Литературной газете».

Работает журналистом.

Елена ГЛИБИНА

г. Сортавала
Республика Карелия

«Вопреки

* * *

На скалке колкая трава
цветов последних мне дороже.
Засунув руки в рукава,
я на ветру осеннем ежусь.

Когда бы можно как-нибудь,
как этот мятлик, этот вереск,
прижаться, претерпеть, поверить
в далекий день и долгий путь;

соединиться с тишиной,
на чьей загадочной изнанке
есть паучок и лес сквозной
в прожилок чувственной огранке.

И вдруг проступят письмена,
родясь из влаги изначальной;
есть совершенная страна,
чьи подданные беспечальны.

Войдем под этот легкий свод,
возьмемся за руки, как дети!..
Но язвы бед — куда ж их деть? —
и боль душа не отдает.

Нет, все останется при нас —
и горб, и нищенская торба.
Мы здесь, немотствуя упорно,
взойдем травой — который раз...

нелюбви...»

* * *

Что-то странное с миром творится,
где добро — ксерокопия зла.
Расточилась душа по крупичам,
незаметно сквозь пальцы ушла.

И в прореху озона сошедший
горький ангел поник головой.
...Вот и осень была сумасшедшей:
выпал снег по листве по живой.

Так она, почернев, прикипела,
прикипела к железным ветвям,
что, безумные ветры, не вам
оторвать эту душу от тела.

Так и ты, мне приметная груша,
на углу Антикайнена спишь.
Бедолага, черница, старуха,
сирота в одиночестве крыш.

На изломе бездомной эпохи
мы с тобою мятежно близки,
выживая по капле, по крохе,
вопреки нелюбви, вопреки.

* * *

Воздух скверный, серенький, синий,
сонных улочек вечный расклад,
как лекарство от брэнной гордыни,
крепко-накрепко сердце трезвят.

Озираешься вчуже и робко —
этот сквер с уголком голубым,
этих пятиэтажек коробки —
из каких-то предвечных глубин.

Может быть, из прапамяти трещин
ахнул снег и дохнула зола...
Скоро, скоро я вспомню, конечно,
где до первого вздоха жила.

Там под снегом упорствует вереск
и за камни цепляется плоть,
чтобы выжить... Языческий север,
ты-то знаешь, как страх побороть.

Претерпеть, — пусть не ждешь и не чаешь,
эту ночь — до исхода, дотла...
О как бережно приучаешь
жить — лишь толикой малой тепла...

* * *

Не шумит камыш-трава
и почти не греет солнце...
Что ж, природа такова —
там, где больно, там и рвется.

Наша ниточка родства
истончилась до предела,
натянулась тетива —
паутинка пролетела.

Прочь и прочь от мирных дней,
где лишь сердце остается.
Что ж, судьба, тебе видней —
там, где сердце, там и рвется...

* * *

Город в сумерках снов глухих
еле держится на плаву.
О, как грустно — я здесь живу,
и так странно — пишу стихи.

Не читаемые никем,
не печатанные нигде...
Но держусь в переплете дел
за соломинки вечных тем.

Ах, зачем я за них держусь:
так и этак — тону равно...
Потому что знаю давно,
потому что давно боюсь:

(неужели придется жить
в безнадежной стране глухих?) —
разучившись читать стихи,
мы разучимся говорить...

РИСУНОК

Рисунка тоньше карандашного:
вот улочка и фонари,
и ратуша внизу, как ракушка,
волшебнo светится внутри.

И горбятся деревья скверика,
под снегом старчески кряхтя;
и резво к ладожскому берегу
летит на саночках дитя.

А там — на корке льда некрепкого
пытают счастья рыбаки;
и дальше — школы огоньки
дрожат в пробелах снега редкого.

Как сердцу весело смотреть
на эти розовым и синим
во тьму продолженные линии —
и, Боже! — как легко стереть!